

Чудинов А. П.

Екатеринбург, Россия

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА¹

Abstract

The history of political metaphor is regarded as a succession of metaphoric gales and metaphoric calms. We have defined the typical features of the metaphoric gale and the metaphoric calm. The conclusion is made about a relative metaphoric calm in the recent Russian political communication.

Исследование исторической динамики моделей политической метафоры – одно из интенсивно развивающихся направлений когнитивной лингвистики. Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не столько выражает свои мысли при помощи метафор, сколько мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет. Используя метафоры, человек стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира. Дискурсивный подход к изучению политической коммуникации означает исследование каждого конкретного текста с учетом политической ситуации, в которой он создан, и его соотношения с другими текстами. Метафора изучается с учетом целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, который этот текст может играть в системе политических текстов и – шире – в политической жизни страны.

Обращение к метафоре с целью постижения и представления «духа времени», ментальности соответствующего социума вполне закономерно. Метафора – это своего рода **зеркало**, в котором вне зависимости от чьих либо симпатий и антипатий отражается национальное сознание на определенном этапе развития общества.

Политическая метафора может быть представлена как целый комплекс **«зеркал»**, в котором, во-первых, отражается ментальный мир человека и общества в целом, во-вторых, в этом зеркале мы видим отражение обыденных представлений людей о понятийных сферах-источниках пополнения системы политических образов, а в-третьих, метафора отражает человеческие представления о сфере-магните метафорической экспансии. В соответствии с концепцией Е. С. Кубряковой «продуцирование метафоры – это не суммативный процесс, а создание новой ментальной единицы, которая

не равна сумме двух ее составляющих». Поэтому метафоричность – это «естественный путь творческого мышления, а вовсе не отклонение от главной дороги к познанию мира и не прием украшения речи» [Кубрякова 2002 : 7]. Преобразование метафорической картины мира в политической коммуникации всегда выступает как предвестник социальных потрясений и интенсификации политической жизни. Соответственно затихание метафорических «бурь» – это надежное свидетельство стабилизации политической ситуации.

Разумеется, каждая отдельная метафора – это лишь малая частица мозаики, по которой практически невозможно судить о картине в целом. Но если же рассматриваемую метафору сопоставить со множеством других, если выделить доминантные для политического дискурса метафорические модели, если сопоставить системы политических метафор на различных этапах развития общества, то, возможно, удастся обнаружить какие-то общие закономерности в национальной метафорической картине политического мира. Так маленькая частица становится органичной частью большой картины. Исследование динамики развития российской метафорической системы позволяет сделать интересные выводы о развитии национального политического сознания и о специфике того или иного этапа развития политической коммуникации.

В соответствии с представлениями современной когнитивной семантики метафорическое моделирование – это отражающее национальное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки действительности в народной ментальности. Поэтому исследование базисных метафор – это своего рода ключ к выявлению особенностей национального сознания на определенном этапе развития общества. Соответственно наблюдения над динамикой базисных метафор, сопоставление закономерностей образного представления действительности позволяет выделить наиболее существенные общие и особенные признаки в национальном сознании различных народов с учетом специфики исторического развития соответствующего общества.

Каждая историческая эпоха приносит новую систему концептуальных политических метафор. Периоды метафорических «бурь» сменяются метафорическими «затишьями», после которых начинается «извержение» новых метафорических «вулканов». В рамках каждой эпохи выделяются свои доминантные метафорические модели. Так, специальные наблюдения показывают, что в отечественной политической публицистике 30 – 50-х гг. прошлого века были особенно активны метафоры с исходными семантическими сферами «война» и «механизм». В сознание общества настойчиво внедрялось представление о том, что советский

¹ Статья подготовлена при финансовой помощи РГНФ (грант 07-04-02002а – «Образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе»).

человек – это вооруженный коммунистической теорией винтик в настраиваемом инженерами человеческих душ механизме, который предназначен для боев и походов. При управлении этим механизмом партийный аппарат должен крепко держать руль, правильно использовать политические рычаги и приводные ремни, вовремя нажимать педали и знать потайные пружины. Для поддержания работоспособности рассматриваемого механизма (то есть советского человека – строителя коммунизма и борца с мировым империализмом) в определенных случаях приходится закручивать гайки, менять заржавевшие и устаревшие детали, производить ремонт двигателя, коробки передач и иных быстро изнашивающихся частей машины.

В несколько ином варианте рассматриваемой модели можно отдельного человека рассматривать не как винтик, а как автономный механизм, которому даны «стальные руки-крылья» и «вместо сердца – пламенный мотор». Машина, у которой нет органов чувств (каковым в традиционной наивной картине мира считалось сердце), нуждается только в заправке, перезарядке и профилактическом ремонте в специальных мастерских. Если механизм в полном порядке, то его можно бросать в бой или направлять на стройки народного хозяйства. При планировании необходимо учитывать, что такой механизм не вечен, при чрезмерном напряжении он может выйти из строя или даже сгореть, но всегда существует возможность замены отработавшей свое машины. Рассмотренные концептуальные метафоры показывают, что формируемое под жестким идеологическим прессом тоталитарное мышление закономерно сказывалось даже на образном представлении человека и окружающего его мира.

Каждая новая эпоха приносит изменения в систему базисных метафор. Ведущая концептуальная метафора эпохи Л. И. Брежнева – это большая семья братских народов (партий), каждый рядовой член которой должен испытывать сыновьи чувства в ответ на отеческую (и одновременно материнскую, одним словом – родительскую) заботу коммунистической партии и советского правительства.

Другой важный для Советского Союза метафорический образ – это сначала строительство (нового общества, коммунизма и даже отдельного человека), а затем (уже на закате социалистического государства) – их перестройка. Следующий этап развития российской метафорической системы – это возведение общеевропейского дома, а заодно и евроремонт своей «избы» (в этом отношении показательно название созданного Виктором Черномырдиным политического движения «Наш дом – Россия»).

Эпоха Б. Н. Ельцина в значительной мере определялась театральной метафорой: на политической сцене по заранее подготовленным

сценариям и под руководством опытных режиссеров разыгрывались комедии, трагедии и фарсы, в которых играли свои роли актеры (иногда по подсказкам суфлеров). Особое внимание зрителей вызывали иностранные гастролеры. Иногда восторг у публики вызывали и провинциальные артисты (например, из Ставрополя, Екатеринбурга и Нижнего Новгорода), исполнившие главные роли в Большом театре. Но основные события разыгрывались за кулисами или, наоборот, на больших площадях, где в массовых зрелищах иногда использовались даже танки. Трансляцию подобных шоу вели все телеканалы, подробнейшие рецензии публиковались в газетах. Все это вызывало интерес даже у зарубежных зрителей, хотя они не в полной мере могли понять и оценить российское искусство.

Прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности: субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью, а вопреки своей воле исполняют чьи-то предначертания.

Вместе с тем необходимо отметить, что в политической жизни последнего десятилетия XX века наряду с отмеченным выше метафорическим вектором имитации реальности важную роль играет метафорический вектор опасности и агрессивности. А этот вектор реализуется в совсем иных метафорических моделях. По нашим наблюдениям, к числу доминантных метафорических моделей, характерных для 90-х гг. прошлого столетия, следует отнести прежде всего концептуальные метафоры с исходными понятийными сферами "криминал", "война", "болезнь", "мир животных". Все это отражает типовые социальные представления о жестокости новой эпохи, где человек человеку уже не "друг, товарищ и брат", а волк, враг, менеджер, пахан, путана, источник инфекции или конкурент.

Заканчивая монографию, посвященную политическим метафорам эпохи Б. Н. Ельцина, я писал в 2000 году, что в рассматриваемый период «получили развитие метафорические модели (и их отдельные фреймы, слоты) с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и соперничества (война, криминал, спорт и др.), отклонения от естественного порядка вещей (болезнь, криминал, сексуальные извращения и др.). Показательно, что подобные же прагматические смыслы оказались наиболее востребованными и у других моделей; это, в частности характерно для современной зооморфной метафоры, а также для традиционно «неагрессивных» метафор «дома», «пути» и «мира растений». Еще одна группа сильных концептуальных векторов современной российской политической метафоры — это неправдоподобие происходящего, неискренность политиков, излишняя карнавальность находящихся

в центре общественного внимания событий, несамостоятельность публичных политиков, наличие каких-то тайных «сценаристов», «режиссеров» и «тренеров» в политической жизни страны (театральная, игровая и спортивная метафоры)» [Чудинов 2001 : 225].

Далее отмечалось, что «начинается новая эпоха, и страна ждет совершенно новых концептуальных метафор» и выражалась надежда на то, что «уже в ближайшем будущем будут созданы необходимые средства для взвешенного описания социальной реальности, что политические гиперболы окончательно выйдут из моды». Было высказано предположение, что «в новой метафоре будет меньше образов, проникнутых концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, неискренности и двоемыслия», а «с изменением системы концептуальных метафор наши граждане перестанут ощущать себя пешками, винтиками, лохами, солдатами, подопытными кроликами, актерами, пассажирами тонущего корабля или захваченного террористами самолета» [Чудинов 2001 : 225]. С тех пор как был сделан этот вывод, прошло почти восемь лет, заканчивается период президентства В. В. Путина и пришло время проанализировать, насколько изменились за эти годы российские политические метафоры и насколько оправдались высказанные предположения.

При рассмотрении указанных изменений следует учитывать, что для описания и детального анализа метафорической модели в соответствии с существующими традициями необходимо охарактеризовать ее следующие признаки:

1. Исходную понятийную область (в других терминах – ментальную сферу-источник, сферу-донор) метафорической экспансии.

2. Новую понятийную область (в других терминах – ментальную сферу-мишень, денотативную зону, рецепиентную сферу, направление метафорической экспансии).

3. Относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют соответствующую понятийную область (концептуальную сферу).

4. Составляющие каждый фрейм типовые слоты, то есть элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации.

5. Компонент, который связывает первичные (в сфере-источнике) и метафорические (в сфере-магните) компоненты охватываемых данной моделью единиц. Это позволяет выяснить, что дает основания для метафорического использования соответствующих концептов, почему понятийная структура сферы источника оказывается подходящей для обозначения элементов совсем другой сферы.

При дальнейшей характеристике метафорической модели обычно можно определить ее

типовые сценарии, ведущие концептуальные векторы, продуктивность и частотность, выявить прагматический потенциал рассматриваемой модели, то есть типовые особенности воздействия на адресата, а также "тяготение" модели к определенным сферам общения, речевым жанрам, социальным ситуациям и т.п.

При когнитивном анализе метафорических моделей элиминируются все ограничения, определяющие особенности традиционного структурного подхода. Это требование о принадлежности рассматриваемых элементов к одной лексико-семантической группе или хотя бы к одной части речи, и ограничения, связанные с уровнями языка: в рамках единой системы рассматриваются собственно лексические единицы, фразеологизмы и их компоненты, а также другие воспроизводимые единицы. При характерном для когнитивистики широком понимании метафоры к ее сфере относятся многие явления, которые при традиционном подходе рассматриваются как сравнение, метаморфоза, гипербола и литота.

Целенаправленный анализ функционирующих в политической сфере метафорических моделей способствует выявлению тенденций развития политического дискурса и помогает определить степень влияния изменений социально-экономического характера на преобразование и функционирование политического языка.

В современной политической метафорологии [Benoit 2001; Charteris-Black 2004a, 2004b; Chilton 1996; Goatly 2007; Landtsheer 1991; Lakoff 1991, Musolf 2004; Zinken 2002, 2004; Андерсон 2006, Баранов 2003, 2004, Баранов, Караулов 1991, 1994; Будаев 2007; Будаев, Чудинов 2008, Кобозева 2001, Чудинов 2001, 2003, 2007 и др.] обнаружено несколько закономерностей, которые по причине их регулярной повторяемости в самых различных политических дискурсах и общепризнанности можно представить как своего рода аксиомы, которые уже не нуждаются в каких-то доказательствах и определяют методологию соответствующего научного направления.

1. Национальная система политических метафор постоянно развивается в условиях диалектического взаимодействия тенденции к обновлению метафорического арсенала и тенденции к его традиционности. В зависимости от дискурсивных условий на том или ином этапе развития каждая из названных тенденций может оказаться преобладающей.

2. Национальная система политических метафор характеризуется, с одной стороны, тенденцией к сохранению своей культурной самобытности, а с другой – тенденцией к взаимодействию с системами политических метафор, характерными для иных государств. В зависимости от дискурсивных условий на том или ином этапе развития каждая из названных тенденций может оказаться преобладающей.

3. Динамика развития национальной системы политических метафор неравномерна: периоды интенсивного развития («метафорические бури») сменяются периодами относительной стабильности («метафорического затишья», «метафорического шторма»).

4. «Метафорические бури» обычно совпадают по времени с периодами политических потрясений (и даже знаменуют собой будущие политические преобразования), а «метафорическое затишье» обычно характерно для периодов политической стабильности.

5. Сферы-мишени политической метафоры более динамичны, чем ее сферы-источники. Политические реалии, привлекающие повышенное внимание общества, быстро становятся центрами метафорического притяжения: постоянно возникают новые и новые метафоры для их обозначения.

6. «Метафорические бури» характеризуются не столько появлением новых метафорических моделей, сколько активизацией уже существующих, то есть вовлечением все новых и новых концептов, детальным развертыванием метафорических моделей, созданием ярких и свежих метафорических образов. Метафоры в такие периоды часто становятся предметом обсуждения политиков и широкой общественности, используются в качестве аргументов в полемике.

7. «Метафорическое затишье» характеризуется традиционностью используемых метафор, которые становятся привычными, «стертыми», вызывают меньше эмоций. Это ведет к сокращению частотности использования соответствующих моделей и почти полному прекращению употребления отдельных метафор.

8. Максимальную метафорическую активность при обсуждении политической жизни проявляют крайне левая и крайне правая оппозиция, тогда как центристы и политики, принадлежащие к правящим партиям, как правило, избегают чрезмерной метафорической агрессивности.

9. Метафорическое «затишье» обычно начинается в коммуникации правящей партии, а метафорические «бури» – в выступлениях радикальной непарламентской оппозиции. Переход от «метафорической бури» к «метафорическому затишью» – это продолжительный процесс: невозможно мгновенное изменение политико-метафорической «погоды».

10. Метафорическое «затишье» редко бывает полным «штилем»: развитие общества предопределяет появление новых метафор, но крайне сложно определить, какие из этих метафор найдут широкий отклик (вызовут метафорическую бурю) и когда это произойдет.

Специфика проявления названных закономерностей в российском политическом дискурсе начала нашего столетия стала предметом рассмотрения в целом ряде диссертаций, под-

готовленных уральскими специалистами. Так, А. Б. Ряпосова рассмотрела метафорические модели со сферами-источниками «Война» и «Криминал» [Ряпосова 2002]. Т. С. Вершинина исследовала зооморфную, фитоморфную и антропоморфную метафору [Вершинина 2002]. Н. М. Чудакова изучала метафорические модели со сферой-источником «Неживая природа» [Чудакова 2005]. А. В. Сурина охарактеризовала метафорическое моделирование российской действительности в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи [Сурина 2007].

Несколько диссертационных исследований были посвящены сопоставительному исследованию российской и зарубежной политической коммуникации. Так, А. А. Каслова изучала метафорическое моделирование президентских выборов в России и США [Каслова 2003]. Н. А. Красильникова охарактеризовала метафорическую репрезентацию лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии [Красильникова 2005]. О. А. Шаова рассмотрела закономерности российских и французских национальных стереотипов [Шаова 2005]. А. М. Стрельников написал диссертацию «Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России» [Стрельников 2005]. Н. Г. Шехтман провела сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе [Шехтман 2005]. Диссертация А. Ю. Перескоковой посвящена метафорическому моделированию образа российских и американских СМИ [Перескокова 2006]. О. А. Солопова проанализировала метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России и Великобритании [Солопова 2006]. Э. В. Будаев рассмотрел метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе [Будаев 2006]. В работе И. В. Телешевой проведено когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании [Телешева 2006]. Сопоставительный характер носят также исследования М. В. Черняковой [2007] и Т. В. Моисеевой [2007].

Указанные исследования, а также наши наблюдения над закономерностями метафорического моделирования в российском политическом дискурсе начала XXI века позволили выделить в динамике политической метафоры две стадии. На первой из них (2000-2003 гг.) во многом сохранялись тенденции, характерные для предшествующего десятилетия, когда ведущую роль играли метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом (ведущие сферы-источники – война, криминал, мир животных) и векторами неискренности и нереаль-

ности (театр, отчасти – спорт). Особенно это было характерно для дискурса оппозиции. Однако эти метафоры все чаще воспринимались как стандартные, стершиеся, устаревшие, а поэтому не производили на избирателей прежнего впечатления.

На второй стадии (2004-2008 г.) все более активными становятся традиционные для русского национального сознания природоморфные метафоры. Увеличилось количество антропоморфной метафорики, привносящей в осмысление современной российской действительности естественную перспективу развития. На смену милитарным метафорам все чаще приходят спортивные образы, которые отличаются меньшей агрессивностью, что свидетельствует о стремлении общества заменить все опустошающую войну на стабильность и здоровое соперничество. Все реже и реже стали использоваться криминальные метафоры, которые выступали как доминантные в период «бандитского» капитализма. Все меньше появляется по-настоящему «свежих» метафор, все реже эти метафоры становятся предметом политических дискуссий. На данной стадии значительно сокращается некритическое заимствование метафор из зарубежной прессы.

Вместе с тем среди относительно новых метафорических образов следует выделить активизацию колористических метафор («цветные» революции) и особенно все более многообразное развертывание традиционного для национального сознания образа медведя как символа России и правящей в ней партии. Все активнее в российской политической коммуникации отражается стремление к национальной и культурной преемственности и самобытности.

Судя по всему, российская национальная система политических метафор переходит к этапу стабилизации и возвращения к национальным традициям. Метафорическая «буря» сменилась метафорическим затишьем. В соответствии с общей закономерностью политическая стабильность находит отражение в сфере политических метафор.

Вместе с тем стабилизация внутривнутриполитической ситуации в стране все чаще вытесняет негативную метафорическую область внешней политики. Если в допутинском дискурсе государственные лидеры обращались за «консультациями» к западным «менеджерам» политических реформ и «учителям» демократии, то в Мюнхене В. В. Путин напомнил о «*неразрешившихся снарядах*» *холодной войны*. Несколько ранее, накануне парламентских выборов, президент осудил тех, кто «*шакалит* у иностранных посольств», и посоветовал иностранным энтузиастам не совать «*сопливый нос*» в *российские дела*. Весьма жесткие метафорические заявления раздаются и в связи проблемами провозглашения независимости Косово.

На этом фоне значительный интерес вызывают «бытовые метафоры», к числу которых относится, в частности, совет президента России зарубежным оппонентам перестать учить нас демократии, а переключиться на обучение кулинарному искусству собственных жен. Яркое впечатление произвели и слова Президента о том, что он восемь лет подряд «*пахал, как раб на галере*». На своей последней «президентской» пресс-конференции («Аргументы и факты», 21-27.02.2008) В. В. Путин позволил себе использовать метафорические образы, которые не вполне типичны для действующего руководителя государства, но весьма характерны для идиостилия названного политического лидера. Ср. также: «*Кроме всего прочего, у нас личная химия, я уму доверяю. Такому человеку не стыдно и не страшно передать основные рычаги управления страной*». «*Если они (руководители государства) будут слюни и сопли пускать все время и плакать, что плохо, что мы ничего не сможем, что мы такие «кривые», – так и будет*». «*Мы не будем «обезьянничать*». *Но у нас есть домашние заготовки, и мы знаем, что будем делать*».

Вполне закономерно и то, что кандидат в Президенты Д. А. Медведев избегает сильных метафорических образов, которые могут вызвать неоднозначные оценки. Так, в его выступлении на Пятом экономическом форуме в Красноярске (февраль 2008 г.) используются только стертые, потерявшие образность метафоры: «*искоренить* практику неправосудных решений», «*предлагаю сделать* первый и уже опробованный нами *шаг*», «*деньги должны прийти к врачу*» («Российская газета», 21.02.2008). Преемник действующего президента позиционирует себя не как открыватель принципиально новых горизонтов, а как продолжатель уже начатого дела. Формулирование конкретных планов и задач требует не ярких метафор, а точных определений и детальной характеристики путей решения.

Нетрудно заметить, что традиционная метафорическая активность кандидатов Г. А. Зюганова и В. В. Жириновского воспринимается избирателями как едва ли не устаревшая, сохраняющая образ мышления прошлых лет и не отражающая современных реалий. Так в программном предвыборном обращении Г. А. Зюганова «*Будущее зависит от нас!*» («Российская газета», 20.02.2008) присутствуют всем давно знакомые образы. Ср.: «*Народу навязывают новых царей, визирей и вельмож. Тасуется одна и та же колода, состоящая из личных друзей и царедворцев, охочих до власти и денег*». Даже опытный специалист не сразу определит, когда были сказаны эти слова в 2008 году или еще в прошлом веке. Читатель отмечает знакомые метафорические модели и давно известные идеи.

Похожее впечатление создается и от других метафорических высказываний коммунистического лидера: *«Нам предлагают карманный парламент... Властная вертикаль – не более чем карикатура на демократию... Наша цель – отодвинуть страну от края пропасти... Экономика сидит на нефтегазовой игле...»*. Все эти образы были весьма продуктивны в 90-е годы и сейчас уже не вызывают у электората прежнего эмоционального отклика, когда яркие метафоры вели народ на митинги и демонстрации. Современные выступления Г. А. Зюганова способны привести его сторонников только на избирательные участки.

Не привлекают внимания избирателей и предвыборные метафорические выражения В. В. Жириновского, которые слишком похожи на его образы из его выступлений прежних десятилетий. Так, в своем предвыборном обращении *«Успокою всех!»* («Комсомольская правда», 9.02.2007) лидер либеральных демократов напомнил о *«пятой колонне»* врагов России, возмущался *«продажностью чиновников»* и говорил о своем стремлении *«побороть коррупцию»*. Он подчеркнул, что *«для резкого снижения уровня коррупции надо убирать поле для ее взращивания»*. Далее ветеран парламентской оппозиции сказал о том, что *«Тяжелая промышленность должна находиться в руках государства»* и напомнил о необходимости обезопасить *«политическую элиту от шараяхья то влево, то вправо»*. В. В. Жириновский говорил также о том, что *«никакие национальные проекты не дадут результата, пока мы не очистимся от пагубных последствий перестройки и шоковой терапии»*, вспомнил о *«грабительской приватизации»* и о том, что его сторонники Дмитрия Медведева *«сбиваются в колхоз»*. Лидер либеральных демократов вспомнил также о проблемах науки и метафорически использовал имена великих российских ученых: *«Кто будет решать проблему нехватки энергоносителей, развития нанотехнологий? Сегодня есть новые курчатовы, новые королёвы, новые цюлковские. Надо дать им возможность работать»*.

Содержащийся в рассматриваемом выступлении набор давно знакомых коммерческих, милитарных, морбиальных, криминальных, фитоморфных и антропоморфных метафор вовсе не производит впечатления «метафорического извержения», способного повести людей на митинги, демонстрации и баррикады.

Не вызвала эмоционального отклика и очередное отнюдь не метафорическое нападение В. В. Жириновского на своего оппонента. Во время телевизионной дискуссии лидер либеральных демократов обозвал Николая Гоца (доверенное лицо кандидата в президенты Богданова) *«придурком, поддонком и сумасшедшим»*, замахнулся на него микрофоном и вытолкнул со словами, обращенными к своему те-

лохранителю: *«Олег, выгони его отсюда, подлеца, и расстреляй в коридоре!»* («Комсомольская правда», 22.02.2008). Многие помнят, какое впечатление производили прежние потасовки, устраиваемые В. В. Жириновским в прямом эфире, но очередной скандал едва ли привлечет значительное внимание избирателей, давно привыкших к хорошо отрежиссированным приступам ярости и театральным боям.

Как известно, тиражирование метафор, ярко воспринимаемых в прошлую эпоху, и минимальное количество новых образов – это типичные признаки метафорического затишья, которое всегда сопровождает периоды политической стабильности. Об этом же говорит снижение агрессивности метафорического словоупотребления: показательно, что лидер президентской гонки совершенно отказался от полемики, в рамках которой традиционно идет метафорическая война. Не проявляют значительной метафорической активности и другие кандидаты на пост главы государства. В отличие от прошлого (ельцинского) десятилетия метафоры участников предвыборной борьбы по существу не обсуждаются в СМИ и не служат предметом судебных разбирательств. Политическая коммуникация становится все более скучной и уже не вызывает прежнего интереса. Современные метафоры способны привести людей на избирательные участки, но уже не в состоянии вывести их на митинги и демонстрации, поднять на штурм Белого Дома или телестудии. Показательно, что метафоры заканчивающего свою работу президента вызывают у отечественных и зарубежных журналистов значительно больший интерес, чем образы, которые создают новые претенденты на высшую власть в государстве.

Разумеется, ни лингвисты, ни кто-либо иной не могут повлиять на активность рассмотренных или каких-либо иных метафорических моделей, а также способствовать активизации метафорической бури или наступлению метафорического затишья. Метафорический образ отражает бессознательное мировосприятие социума, формирующееся под влиянием национальных традиций и "духа времени". Но языковеды обязаны зафиксировать существующую в национальном сознании на определенном этапе развития общества систему базисных метафор и попытаться сделать выводы об истоках и перспективах той или иной модели, а также рассмотреть факторы, способствующие активизации метафорических бурь или служащие признаками их затухания. Начавшееся метафорическое затишье – это еще одно свидетельство наступления в России периода политической стабильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Р. Каузальная сила политической метафоры // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. Учебное пособие. М., 2007.

2. Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. М., 2003.
3. Баранов А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М.: Едиториал УРСС, 2004.
4. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991.
5. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994.
6. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М.: Наука, Флинта, 2008.
7. Будаев Э. В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
8. Будаев Э. В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. Нижний Тагил, 2007.
9. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
10. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
11. Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
12. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // *Вестник Московского университета*. – Сер. 9. Филология. – 2001. – № 6.
13. Кубрякова Е. С. Композиционная семантика: цели и задачи // *Композиционная семантика. Материалы третьей международной школы-семинара по когнитивной лингвистике 18-20 сентября 2002 г. Часть 1*. Тамбов, 2002.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
15. Моисеева Т. В. Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
16. Перескокова А. Ю. Метафорическое моделирование образа российских и американских СМИ: рефлексивный аспект. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
17. Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000 гг.)». Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
18. Солопова О. А. Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 г.) и Великобритании (2001 г.). Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
19. Стрельников А. М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
20. Сурина А. В. Метафорическое моделирование российской действительности в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
21. Телешева И. В. Когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
22. Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990.
23. Чернякова М. В. Реализация манипулятивного потенциала метафоры в российском и американском дискурсе войны в Ираке. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
24. Чудакова Н. М. Метафорические модели со сферой-источником «Неживая природа» в современных СМИ (2000-2004 гг.). Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
25. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001.
26. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003.
27. Чудинов А. П. *Политическая лингвистика*. М., Наука, Флинта, 2006.
28. Шаова О. А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
29. Шехтман Н. Г. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе (10.02.20). Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
30. Benoit W. L. Framing through temporal metaphor: The «bridges» of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses // *Communication Studies*. 2001. Vol. 52.
31. Charteris-Black J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Basingstoke, 2004a.
32. Charteris-Black J. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. Basingstoke, 2004b.
33. Chilton P. *Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House*. – New York; Bern; Frankfurt / M., 1996.
34. Drulak P. *Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identity* // www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc – 2005.